

Л.В. Щетихина*, М.А. Каверников*
ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В 1914–1917 ГОДАХ

*Статья посвящена условиям жизни и труда военнопленных
Тройственного союза, отбывавших наказание на Урале*

Ключевые слова: Урал, военнопленные, горнозаводская промышленность.

Одним из последствий Первой мировой войны стало пребывание в пределах границ Российской империи нескольких сотен тысяч неприятельских военнопленных. Их численность по сведениям, содержащимся в специальной литературе и источниках, колеблется в пределах 1,8 – 2,3 млн. чел.

Для содержания пленных на территории России было развернуто более 400 лагерей, в том числе 113 лагерей, подведомственных Казанскому военному округу [1, с.36], в состав которого входили территории Урала и Поволжья

На Урале, в глубоком тылу, так же как в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке, в основном размещались военнопленные австрийцы, немцы и венгры – как менее благонадежные, чем пленные славянских национальностей. Первые партии пленных появились в пределах Уральского региона уже в 1914 г. Сообщения об этом сразу появились в местной периодической печати. Газета «Уральская жизнь» сообщала своим читателям, что 7 августа 1914 г. через станцию Екатеринбург в Вятку проследовало 234 германских подданных, взятых в Прибалтийском крае в качестве военнопленных. В Оренбурге к концу августа 1914 г. по сообщению того же источника пребывало уже более 3 тыс. пленных, а в Тюмени в здании Романского училища к концу сентября 1914 г. оборудовали госпиталь для лечения австрийских и германских военнопленных²⁷⁸

Практически одновременно общественность начала обсуждать вопрос об использовании пленных в хозяйстве края. В начале октября 1914 г. «Уральская жизнь» писала: «По Южно-Екатеринбургскому горному округу владельцами горных заводов заявлено требование на 500 человек военнопленных для работ. Изъявили желание иметь пленных Ревдинские заводы – до 150 чел., Вознесенские рудники - 100 чел., Шайтанские заводы – 50 чел., остальные предприятия – по 20–25 чел. Некоторые из заводских предприятий сначала желают убедиться, пригодны ли военнопленные для работ»²⁷⁹.

К ноябрю 1917 г. на уральских заводских предприятиях было занято 20 794 пленных (12,2 % общей численности рабо-

* Щетихина Лариса Владимировна – кандидат педагогических наук; ЮжУрГУ. shetihina@mail.ru

* Михаил Александрович Каверников – студент ЮжУрГУ. misha-123@bk.ru

²⁷⁸ Уральская жизнь. - 1914. - 8 августа.

²⁷⁹ Уральская жизнь. - 1914. - 5 августа.

чих), в горных предприятиях – 10 569 (25,2 %), в лесных – 20 297 (36,1 %) [2, с.48].

Порядок цифр постепенно менялся в сторону увеличения, поскольку изменилась сама оценка роли труда пленных. Если рескриптом от 20 августа 1914 г. предписывалась «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы», то уже 4 марта 1916 г. Главное управление Генерального штаба в директиве требовало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения» [2, с.58].

Чаще же пленные оказывались совершенно несведущими в премудростях горнозаводского дела, а потому, ввиду почти полного отсутствия среди них квалифицированных рабочих, они использовались на Урале главным образом в качестве простых чернорабочих и так называемых куренных рабочих для заготовки древесного горючего.

В Златоусте с 1915 г. военнопленные стали привлекаться к сельскохозяйственным работам, а на следующий год их стали использовать в промышленности. Судя по отчётам за октябрь того же года, на Златоустовском заводе трудилось 13 400 рабочих и 370 военнопленных. На рубке леса и заготовке древесного угля для завода было занято ещё 4 530 рабочих и 643 пленных²⁸⁰.

Для охраны военнопленных, Златоустовскому заводу пришлось организовать подразделение из 20 стражников, вооружённых револьверами. Но уже в сентябре 1916 г., было признано, что охрана 2300 пленных организована в округе недостаточно: «Для правильного обеспечения надзора, достижения наиболее интенсивных работ со стороны военнопленных, и должного воздействия на них, в устранении случаев самовольных отлучек, побегов, отказов или уклонений от работы, необходимо иметь воинскую команду, в числе 20 – 25 человек»²⁸¹.

Действительно, побегі пленных солдат противника стали обычным делом. Большинство из них через несколько дней возвращались. Других отлавливала полиция, поскольку чужака, не говорившего по-русски и одетого в иностранную форму, было видно издалека.

Далеко не все военнопленные желали работать. Управитель Саткинского завода доносил, что около пяти десятков пленных занимаются саботажем – одни открыто отказываются от работы, другие рвут и жгут свою одежду, отказываются от пищи, доводя себя до дистрофии. В результате, двое таких «работников» нарубили, за неделю, 1/8 сажени дров. Пятнадцать пленников, доведших себя до истощения, пришлось госпитализировать [2, с.84].

Участие пленных иностранцев в материальном и репродуктивном процессах является наиболее сложной для изучения частью их коллективного портрета. В условиях войны, когда

²⁸⁰ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2525. л. 25

²⁸¹ АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2525л. 59

«брачный рынок» трансформировался в сторону избытка невест, молодые в массе своей пленные просто не могли не превратиться в потенциальных женихов. Однако реализации их брачных потенций препятствовал закон, оставляя пленников иностранцев за бортом брачных выборов.

Запрет на браки между пленными и россиянками помимо всего прочего обрекал последних на одинокое материнство. Власти спохватились лишь в середине 1917 г., когда «опасные связи» пленников иностранцев и русских женщин стали очевидной проблемой. Правда, узаконить свои отношения с гражданками России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о получении российского подданства. В некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям. Статистическая брачность пленников продолжала уступать фактической, поскольку сама социально-политическая ситуация в стране и регионе способствовала распространению гражданских браков.

Что касается половозрастных характеристик пленников, то анализ двух десятков именных списков, в которых запечатлены «персональные данные» порядка 10% пленников, оказавшихся на Урале, позволяет обнаружить, что подавляющее большинство около 80% – вражеских солдат и офицеров составляли лица 18–35 лет. Причем доминировала группа пленников в возрасте от 18 до 25 лет (свыше 30%), 28% приходилось на долю военнопленных 26–30 лет и свыше 20% – на долю 31–35 лет. Наибольшим разрывом в возрасте отличались пленники турецкой армии, самому молодому из которых было 14 лет, а самому пожилому – 65 лет. Пленные австро-венгерской, германской и болгарской армий представляли собой группы, возрастная дистанция между членами которых составляла ровно 30 лет, колеблясь в промежутке от 17 до 47 лет [2, с.68].

Опираясь на данные о возрасте военнопленных, можно с полной уверенностью утверждать, что их смертность была ранней, преждевременной и обуславливалась главным образом эпидемиями тифа, цинги и других болезней. Преобладание среди причин гибели пленников эпидемических заболеваний отражало общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний.

В заключении следует отметить, что массовое использование пленников иностранцев в трудовых процессах вошло в систему, стало обыденной реальностью хозяйственной жизни России в целом и Уральского региона в частности. И, несмотря на то, что это использование привело к ухудшению качественного и постоянному росту количественного состава рабочих, оно стало одним из важнейших условий для беспрепятственного хода работ на предприятиях региона.

Без труда пленников значительная их часть работы осталась бы «совершенно неисполненной» за отсутствием необходимых

для того рабочих рук. Помимо того, труд военнопленных давал возможность высвободить определенную долю русских рабочих, обучить и приспособить их для более квалифицированных и значимых производств.

Литература:

1. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск: ОГУ, 1997.

2. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов /под ред. А.Я. Манусевич. - М.: Наука, 1987.

L.V. Shtetihina, M.A Kavernikov
THE POSITION OF PRISONERS OF WAR
IN THE SOUTHERN URALS IN 1914-1917

The article is devoted to the conditions of life and labour of prisoners of war of the Triple Alliance, serving sentences in the Urals/

Keywords: Ural, prisoners of war, the metallurgical industry.